

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

КИСТЬ, ПЕРО И ТЕОДОЛИТ: модели репрезентации пространства в эпоху Тюдоров

Г.В. Шпак

Аннотация. В Англии XVI в. соотношение изображения и текста переживает кардинальные трансформации. Если в первой половине столетия карта является скорее иллюстрацией текста и имеет гораздо меньший эвристический потенциал, то к началу XVII в. изображение пространства в виде карты-плана приобретает статус легитимной и фиксированной истины. Эта трансформация приводит к сближению профессий топографа, измеряющего пространство с помощью математических инструментов, и составителя карт. В то же время далеко не все помещики приветствовали точное измерение их владений. В связи с этим необходимо рассматривать карты не только как источник визуальной информации о пространстве, но как важное свидетельство экономических и социокультурных отношений в английском обществе раннего Нового времени.

Ключевые слова: визуальные и вербальные источники, Тюдоры, история картографии, история науки, репрезентация пространства

Для цитирования: Шпак Г.В. Кисть, перо и теодолит: модели репрезентации пространства в эпоху Тюдоров // Преподаватель XXI век. 2025. № 4. Часть 2. С. 280–295.
DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-280-295

280

THE PAINTBRUSH, THE QUILL, AND THE THEODOLITE: MODELS OF SPATIAL REPRESENTATION IN THE TUDOR ERA

G.V. Shpak

Abstract. In sixteenth-century England, the relationship between image and text underwent a radical transformation. If in the first half of the century a map was more of an illustration to the text and had far less heuristic potential, by the beginning of the following century the graphic representation of space in the form of a plan-map had acquired the status of legitimate and fixed truth. This transformation led to a convergence of the professions of the topographer, who measured space using mathematical instruments, and the mapmaker. At the same time, not all landowners welcomed the precise measurement of their estates. In this regard, it is necessary to

© Шпак Г.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

consider maps not only as a source of visual information about space but also as important evidence of the economic and socio-cultural relations in early modern English society.

Keywords: *visual and verbal sources, Tudors, history of cartography, history of science, spatial representation*

Cite as: Shpak G.V. The Paintbrush, the Quill, and the Theodolite: Models of Spatial Representation in the Tudor Era. *Prepodavatel XXI vek*. Russian Journal of Education. 2025, No. 4, part 2, pp. 280–295. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-280-295

На рубеже XV–XVI вв. в Англию с континента, прежде всего из Италии, проникают новые картографические практики. Количество визуальных репрезентаций пространства на протяжении века неуклонно растет, но это не означает, что изображения немедленно заменяют традицию описей. Соотношение между картой/чертежом и словесным описанием было не простым и прошло серию трансформаций. Основной целью данной статьи является осмысление этих трансформаций и выявление их связи с экономическими и социально-культурными особенностями в английском обществе раннего Нового времени.

Прежде всего следует отметить, что на эволюцию картографических практик XVI в. повлияли открытия в области практической математики, развитие гравировального дела и печати, переводы классических авторов на национальные языки. Особую роль в «картографической революции» сыграл и перевод «Географии» Птолемея. От оригинального труда греческого ученого не сохранилось географических карт, но остались подробные инструкции по их составлению. Однако вплоть до конца XVI в. письменные описи были не менее надежным способом фиксации пространства, чем карты, и этому есть как экономические, так и социокультурные причины.

На рубеже XV–XVI вв. даже при освоении и описании новых земель географическая карта не считалась надежным средством фиксации географического пространства. Известно, что уже Генрих VII (1485–1509) проявлял интерес к заморским землям и их освоению. Ключевую роль в этом при дворе Генриха играли выходец из Венеции Джованни Кабото (Джон Кабот) и его сын Себастьяно Кабото (Себастьян Кабот). Джон Кабот нашел в Генрихе VII покровителя и мецената. Король принял решение выделить средства на экспедицию по поиску Северо-Западного пути в Азию. В 1496 г. разрешение на совершение экспедиции из Бристоля, который, по замыслу Генриха VII, должен был стать главным торговым портом, было получено¹. Корабли Джона Кабота со второй попытки достигли берегов Ньюфаундленда и в 1497 г. вновь причалили в Бристоле.

Сохранилось письмо английского купца Джона Дэя, адресованное неназванному «lord grand-admiral» (предположительно Колумбу), в котором он сетует на то, что не смог составить качественную карту новых земель: «Посылаю вторую книгу Марко Поло и описание открытой земли. Карту не посылаю, потому что она меня не удовлетворяет, ибо обстоятельства заставили меня делать ее в спешке,

¹ Список публикаций об экспедиции Дж. Кабота см.: Cabot project // University of Bristol. URL: <https://www.bristol.ac.uk/history/research/cabot/publications/> (дата обращения: 10.09.2025).

но из упомянутого экземпляра ваша светлость узнает все, что пожелает, поскольку в нем названы мысы материка и острова, и, таким образом, Вы увидите, где впервые была замечена земля, поскольку большая ее часть была обнаружена на обратном пути. Таким образом, Ваша светлость узнает, что ближайший к Ирландии мыс находится в 1800 милях к западу от мыса Дарси-Хед (*Dursey Head*), расположенного в Ирландии, а самая южная часть Острова Семи Городов (*the Seven Cities*) находится к западу от реки Бордо (*Bordeaux River*)...» [1]. Словесное описание для Джона Дэя не уступает картографической проекции или, по крайней мере, является не менее информативным.

Тем не менее карты в начале XVI в. уже приобретают статус достоверных иллюстраций, дополняющих словесные описания, хотя соотношение рисунка и текста оставалось довольно проблематичным. Как известно, первые издания «Утопии» Томаса Мора (1516 и 1518 гг.) содержали географическую карту острова. Вымыщенное пространство, будучи воплощенным в виде карты, приобретало характеристики реального. В то же время можно предположить, что карта воспринималась как образ, не отражающий достоверную топографическую информацию об объекте. В этом смысле ее появление на страницах «Утопии» не кажется случайным. К тому же стоит учитывать, что первый перевод книги на английский язык будет выполнен Ральфом Робинсоном только в 1551 г. Как сообщает переводчик в посвящении Уильяму Сесилу, только благодаря уговорам друга он решился опубликовать свой варварский² перевод [2, р. 5], который действительно считается не самым удачным, но будет единственным вплоть до перевода Гилберта Бернета в 1684 г.

В статье Брайана Гуди приводится мнение, что текстовое описание острова у Т. Мора составлено так, что его в принципе невозможно представить в виде карты, что подчеркивает нереальность всего утопического проекта [3]. Однако дело не только в условности карты острова, но и в том, что первые издания «Утопии» на английском языке вообще не включали в себя иллюстраций. Печатник издания 1556 г. Эйбрахам Вил в обращении к читателю извиняется за отсутствие утопического алфавита: «Алфавит утопийцев, который обещан в вышеприведенном послании, я в этот раз не приложил, поскольку у меня еще нет подлинных начертаний или форм утопийских букв» [4, р. 168]. Относительно отсутствия карты он не дает никаких пояснений. Возможно, причина кроется в том, что английские издания были нацелены на менее богатую аудиторию и любые дополнительные затраты были невыгодны издателям. Сэкономленные на печати средства способствовали увеличению и удешевлению тиража, а также более широкому распространению текстов [5, р. 1268].

Тем не менее в годы правления Генриха VIII общее количество карт росло. К тому же был намечен отход от безоговорочного подражания картам Птолемея. Например, на карте “*Angliae Figura*” (ок. 1537 г.) при всех ее недостатках можно увидеть, сколь более точными стали очертания островов. Генрих VIII проявлял особое внимание и к региональным картам. В 1512 г. по заказу короля Себастьян Кабот составил предназначенные для военных целей карты Гаскони и Гиени. Росло и количество карт, служащих нуждам навигации. Большую роль при дворе играли континентальные картографические практики, обязанные своим распространением таким деятелям европейского гуманизма, как математику Николаусу Кратцеру, назенненному

² «Варварским» мог называться любой язык, отличный от латыни, греческого или древнееврейского.

придворным астрологом, философу Эразму Роттердамскому и пр. В 1512 г. в Англию прибыл Винченцо Вольпе, писавший геральдические знаки на королевских судах, а также составивший карты для укрепления обороны городов Рай и Гастингс. Известна и его работа над планом обновленной гавани в Дувре в 1532 г. Работал над планами и итальянский художник Джироламо да Тревизо, приглашенный ко двору в 1538 г. В описях коллекций Генриха сохранились свидетельства о большом количестве подаренных ему карт мира, рукописных и печатных настенных карт, глобусов, карт в виде гобеленов и пр. [6, р. 1597].

Однако, несмотря на новые картографические техники, средневековые *Mappa Mundi* оставались в ходу на протяжении первой половины XVI в., украшая королевские дворцы и палаты. Как отмечал Питер Барбер, «карты в средневековом стиле продолжали использоваться до середины шестнадцатого века в качестве знаковых фонов, напоминающих о знании, власти и божественном праве, когда король представлял на публике в ходе своих поездок» [ibid., р. 1589].

В период правления Генриха VIII могли встречаться и примеры сценического представления географической карты. Приблизительно в 1519 г. Джон Растелл, известный в будущем как автор юридических текстов и зять Томаса Мора, организовал театральную постановку «Новая интерлюдия, или Увеселительное представление о природе Четырех Стихий», в котором разъясняются ключевые положения натуральной философии, а также говорится о диковинных странах, удивительных явлениях и их причинах» [7]. Это одна из самых ранних сохранившихся пьес на английском языке, и ее особенность в том, что в театральном формате рассказывается о современном «научном»³ знании — о четырех элементах, космографии и пр. Есть в пьесе и эпизод, когда на сцене демонстрируется географическая карта и зрители узнают от актеров о ее наполнении. На вопрос Любознательности (*Studiois Desire*) о том, каково расстояние до Иерусалима, Опыт (*Experience*) отвечает: «Сэр, что до подобных вопросов / О местоположении городов, / Об их удаленности друг от друга / И прочих вопросах космографии, / Вам не узнать этого верней, / Чем благодаря этому изображению. / Тот, кто впервые создал этот чертеж, / Без сомнения, был мудрым / И в науке искушенным; / Поскольку и море, и суши / Расположены верно и точно, как им и надлежит. / Я убедился в этом на собственном опыте»⁴.

Мы видим, что Растелл превозносит эвристический потенциал карты, а ее достоверность подкреплена ссылкой на личный опыт, а не на тексты классических авторов. В основу дальнейшего описания, предположительно, положена *«Carta Marina»* Мартина Вальдзееемюлера.

Далее по ходу развития сюжета Опыт, указывая на карту, которая, вероятно, находилась на сцене, перечисляет европейские страны, начиная с Англии и доходя до Исландии. Вслед за этим автор сообщает об открытых на западе (за «Великим океаном») новых землях, известных «уже два десятка лет»⁵. Растелл сообщает

³ Слово «научный» взято в кавычки, поскольку вопрос о границах знания (“science”) оставался в это время открытым.

⁴ “Sir, as for all such questions, / Of towns to know the situation, / How far they be asunder, / And other points of cosmography, / Ye shall never learn them more surely / Than by that figure yonder; / For who that figure did first devise, / It seemeth well he was wise, / And perfect in this science; / For both the sea and land also / Lie true and just as they should do, / I know by experience” [7, p. 27].

⁵ “Till now, within this twenty years, / Westward be found new lands” [ibid., p. 29].

о богатствах, которые скрывают их берега, и сожалеет, что Англия отстает в их освоении. В 1517 г. он сам предпринял попытку организовать экспедицию в Ньюфаундленд, но из-за многочисленных трудностей ему не удалось продвинуться дальше Ирландии. В пьесе сообщается: «Не так давно мужи нашей страны / С благословения благородного короля / Отправились на поиски этой земли, / Но цели так и не достигли. / А те, что были спонсорами, / Имеют причину клясть своих матросов, / Лжецов, вероломных и лукавых, / Подлых предателей, / Которые не пожелали трудиться, / Чтобы плыть дальше собственных желаний и удовольствий. / Так эту и другие экспедиции / Подобные подлецы погубили»⁶.

Этот эпизод является своеобразным призывом выделять средства на последующие экспедиции. Географическая карта и ее сценическое описание служат здесь средством убеждения и обоснования необходимости подобных начинаний: «О, сколь великим бы было делом, / Когда бы англичане / Первыми из всех / Основали там свои владения, / Иозвели постройки и жилища, / Ставшие памятью на вечные времена! / И сколь почтенно было б / И для королевства, и для короны / Простирать свою державу / На столь отдаленные земли, / Которые благородный король, / Мудрейший правитель Генрих Седьмой, / Первым повелел отыскать»⁷.

Джон Растелл не был единственным идеологом заморских плаваний, использовавшим географическую карту для доказательства целесообразности снаряжения долгостоящих экспедиций. Подобную стратегию использовали и для аргументации целесообразности поиска Северного пути к восточным землям. Например, бристольский торговец Роберт Торн-младший⁸ в письме Генриху VIII в 1527 г. писал: «Остался только один путь для открытий, и он лежит на севере, поскольку из четырех частей света три остальные заняты другими правителями» [8, р. 454]. Для доказательства существования короткого Северного пути Торн, хотя и не имеющий об Арктике достоверных сведений, составляет географическую карту, служащую не столько инструментом отображения реальности, сколько средством достижения собственных целей.

284

Особенность географических карт, составляемых первоходцами середины XVI в., заключалась в том, что за основу картографических моделей брался не столько личный опыт и математические измерения, сколько описания из текстов предшественников. В связи с этим многие неточности оставались на картах и влияли на дальнейшие описания пространства. И в географических картах, и в отчетах этого периода то и дело повторялась схожая нарративная стратегия, когда исследуемая территория разделялась на острова, проливы и реки. В экспедициях Мартина Фробишера, Джона Дэвиса, Филиппа Амадаса и Артура Барлоу подобным образом преобразованы Баффинова Земля, Вирджиния и Гвиана. По наблюдению историка науки Амира Александра, в рассказах о путешествиях существует устойчивый литературный топос: где-то в глубине

⁶ “But yet not long ago / Some men of this country went, / By the king’s noble consent, / It for to search to that intent, / And could not be brought thereto; / But they that were th’ adventurers / Have cause to curse their mariners, / False of promise and dissemblers, / That falsely them betrayed, / Which would take no pains to sail farther / Than their own lust and pleasure; / Wherefore that voyage and divers other / Such caitiffs have destroyed” [7].

⁷ “Oh, what a thing had be then, / If that they that be Englishmen / Might have been the first of all / That there should have take possession, / And made first building and habitation, / A memory perpetual! / And also what an honourable thing, / Both to the realm and to the king, / To have had his dominion extending / There into so far a ground, / Which the noble king of late memory, / The most wise prince the seventh Herry, / Caused first for to be found” [ibid., р. 29–30].

⁸ Бристоль являлся в это время одним из центров морского дела в Англии. Именно отсюда отправились корабли Джона Кабота к Новому Свету.

континента скрыта сказочно богатая земля. Она кажется неприступной с побережья, но при ближайшем рассмотрении в ее естественных рубежах обнаруживаются «бреши»: речные устья или горные проходы, но, преодолев все трудности, путешественник сможет добраться до желанных богатств [10, р. 12].

Однако не только неизведанные земли требовали для создания образа словесного описания. Составленные в годы правления Генриха VIII визуальные проекции Англии также должны были подкрепляться вербальными описаниями. В 1533 г. антиквару Джону Лиланду было поручено «объскать книгохранилища монастырей и коллегий» Англии, «дабы творения древних писателей как других народов, так и Вашей (Генриха VIII) собственной державы, могли быть извлечены из мертвящего мрака к животворному свету и стяжать ту же благодарность от потомков, на которую они упивали в то время, когда посвящали свои долгие и великие труды общественному благу» [9]. Выполняя это поручение, Лиланд путешествовал по Англии, составляя при этом записи, которые будут опубликованы только в начале XVIII в. Он фиксировал как явления, наблюдаемые им лично, так и сведения из книг или полученные от местных жителей. Описание строилось по территориальному принципу — прием, который в дальнейшем будет использован хорографами, составляющими историю английских графств.

Одна из задач, которуюставил перед собой Дж. Лиланд в обращении к Генриху VIII, заключалась в составлении карты Англии: «Будучи научен опытом, я уповаю вскоре узреть время, когда, подобно тому как Карл Великий имел среди сокровищ своих три обширные и искусные карты на серебре, богато украшенные эмалью — первую с планом и описанием Константинополя, вторую с видом и очертаниями великолепного Рима, а третью с изображением всего мира, так и Ваше Величество обретет мир и империю Англии, представленную в виде квадратного изображения на серебре (*quadrate table of silver*)» [9]. Из этих слов понятно, что потребность в составлении точной карты Англии становится все более актуальной: «Дабы творение это обрело большую долговечность и стало известнее, нежели будь оно вырезано на серебре или меди, я намерен с Божьего соизволения в течение двенадцати последующих месяцев создать подобное описание Вашего королевства в виде рукописи, дабы после этого ни граверу, ни живописцу не составило труда воспроизвести его по лучшему из образцов» [*ibid.*]. Словесные описания должны были стать основой для составления карты, и в то же время формат географической карты послужил рамкой для описаний Дж. Лиланда.

В 1531 г. гуманист Томас Элиот опубликует трактат «Правитель», большая часть которого посвящена описанию знаний и навыков, необходимых благородному джентльмену, и советам по его воспитанию. В посвящении Генриху VIII Элиот пишет: «И поскольку в настоящей книге говорится о воспитании тех, кто в будущем может удостоиться звания управляющего общественным достоянием (*the publike weale*) под началом Вашего Величества, о чем Платон говорил как о первой и главной основе общественного блага, а Соломон говорил также, что при плохих управителях общество ждет упадок, поэтому я назвал его “Правитель” и теперь посвящаю Вашему Величеству как первые плоды моих исследований...» [11, р. CXCII].

Говоря об изучении геометрии, астрономии и космографии («по-английски так называется описание мира»), он заявляет о пользе изображений: «Я осмелюсь заявить, человек получит больше пользы от хорошо выполненных рисунков и схем, чем от про-

стого чтения или выслушивания правил этой науки» [11, р. 45]. Чтобы изучение истории не было затруднено обилием неизвестных читателю названий городов и стран, он призывает обратиться к старым картам Птолемея, на которых доступно изображен весь мир: «Как бы то ни было, нет лучшего способа обучения, чем демонстрация космографии хорошим наставником с помощью физических объектов (*materiall figures*) и инструментов. И наверняка этот урок будет и приятен, и необходим. Какое удовольствие за один час увидеть те царства, города, моря, реки и горы, которые в жизни любого человека невозможно осмотреть и изучить, путешествуя. Какая невероятная изысканность проявляется в созерцании разнообразия людей, зверей, птиц, рыб, деревьев, фруктов и трав, в познании нравов и условий жизни людей, а также разнообразия их натур, и все это в тепле, без опасностей морей или длительных и затратных путешествий» [ibid., р. 77–78].

Практически теми же словами описывал достоинства карты и Дж. Лиланд: «...если Бог дарует мне жизнь, чтобы завершить мои начинания, чтобы Ваша милость могла без труда познать с помощью взгляда множество подлинно восхитительных, плодотворных и нужных удовольствий путем их созерцания» [9]. **Можно предположить, что среди приближенных Генриха к этому времени уже сформировались определенная мода на картографию и устойчивые формы описания ее преимуществ.**

К тому же отделение от католической церкви и подготовка к войне с Францией требовали составления точных карт английского побережья. Сохранилось достаточно большое количество региональных карт этого периода, а также планов военного инженера Ричарда Ли и инженера-каменщика Джона Роджерса. Именно при их участии в 1540-х гг. начинают составляться первые карты, выполненные в масштабе и не содержащие никаких элементов, кроме топографических [12]. Поворотным моментом в английском картографировании считается составление плана Портсмута в 1545 г. — первом ихнографическом изображении города, т.е. составленном в масштабе с помощью планиметрии, а не в перспективе [13]. Предполагается, что именно навык составления инженерных планов позволил создать карты, служащие утилитарным целям и лишенным каких-либо сведений о пространстве, помимо математических. Военные инженеры Генриха VIII — ремесленники, сведущие в геометрии и арифметике, не были художниками и едва ли читали трактаты Птолемея и других латинских или греческих авторов, но смогли создать новый вид картографии, сугубо практический и утилитарный⁹.

Распространению картографической грамотности способствовал общий рост уровня образования, подпитываемый дешевой печатной продукцией. Это привело к расширению аудитории и рынка карт, куда вошли землевладельцы, купцы, зажиточные крестьяне и некоторые ремесленники. Однако этот рост был неравномерным: уровень грамотности сильно варьировался в зависимости от региона, социального статуса и пола, оставляя за пределами этого процесса женщин и беднейшие слои населения.

В середине XVI столетия начинают публиковаться обучающие тексты на английском языке, предназначенные для максимально широкой аудитории. Одна из первых работ по космографии, написанная на английском языке, была издана выпускником медицинского факультета Кембриджа Уильямом Каннингемом в 1559 г. Его работа «Космогра-

⁹ Уход от средневековых изобразительных практик связан также и с борьбой с идолопоклонством, начавшейся при дворе Эдуарда VI, когда были уничтожены многие средневековые *Марпа Мundi* [6, р. 1603].

фическое зеркало» заслуживает особого внимания, поскольку, как сам автор сообщает во введении, он «первый, кто когда-либо на нашем языке писал об этом» [14]. Его гуманистическая риторика бросается в глаза с первых строк. Уже в посвящении лорду Роберту Дадли он заявляет о пользе наук, приводя в пример «греческого геометра» Дедала, который благодаря науке (*through science aide*) смог улететь от чудища невежества.

Космография для Каннингема является одной из главенствующих наук, она сообщает не только об устройстве мира и способах фиксации местоположения в нем, но и о связи между земными и небесными явлениями. Во введении автор перечисляет плюсы этой дисциплины для различных специальностей. Полководцы могут с ее помощью точнее пролагать пути и удачнее разбивать лагеря: «Александр Македонский имел при себе карту страны, составленную его космографами»; поэты — ориентироваться в античной географии; а священнослужители — точнее толковать о библейских топонимах, прекратив споры о местоположении Рая: «Я привожу это в качестве примера, чтобы доказать необходимость ее изучения, а не для того, чтобы спорить о Рае и его местоположении, поскольку это не относится к моей профессии» [ibid.]. Прочитав его работу, каждый так или иначе освоит азы картографирования: «Если я не заблуждаюсь, любители путешествий по суше и морю найдут в нем [Космографическом зеркале] немалую пользу. Другие же смогут использовать его для составления и оформления детальных карт любой страны, региона или провинции и для изображения в виде карты всей земной поверхности» [ibid.].

Каннингем обещает, что читатели смогут овладеть методом составления карт через установление и нанесение на лист «параллельных кругов, соответствующих кругам небесным», и размещение на них стран, морей, пустынь, крепостей, городов и пр. После того как будут размечены линии широты и долготы, он предлагает найти в «Географии» Птолемея или в его (Каннингема) пятой книге «широты городов, поселков, деревень, холмов, рек и других примечательных мест и в соответствии с этими обозначениями поместить их на свою карту или план» [ibid., р. 118]. При этом Каннингем замечает, что не слишком доверяет Птолемею, поскольку тот не имел возможности побывать во многих описываемых им странах, поэтому рекомендует обращаться к его собственным расчетам и текстам других авторов.

Преимущество карты и ее возможностей кажется для Каннингема очевидными: «Итак, следуя предписанному порядку, я могу таким же образом, по своему усмотрению, начертить карту Испании, Франции, Германии, Италии, Греции или любого другого региона — и всё это у домашнего очага, избегая опасностей бушующего моря, угрозы со стороны врагов, потери времени, траты состояния, утомления тела или терзаний души. О, сколь драгоценна сия жемчужина! Ее по праву можно назвать Космографическим Зеркалом, в коем мы можем узреть разнообразие стран, нравы народов и бесчисленные формы зверей, птиц, рыб, деревьев, плодов, рек и металлов» [14, р. 120].

Но и в своей книге, составленной в форме диалога между учеником и учителем, У. Каннингем использует изображения в виде дидактического инструмента. Изображения встраиваются автором в текст и подаются как иллюстративный материал, сделанный для ученика учителем. Например, когда ученик приводит перевод понятия «география» на греческом, латыни и английском, взятом из Птолемея: «География — это обозначение, описание и изображение земной поверхности со всем, что на ней находится» [ibid., р. 6], — учитель поправляет его и говорит о различии географии,

космографии и хорографии. Космография изучает землю как сферу, состоящую из поясов земных и небесных; география изучает только земную поверхность, а хорография — отдельные элементы этой поверхности.

В ответ ученик просит, чтобы лучше уяснить различия между этими понятиями, привести их изображения, «ибо верно сказано: вещи увиденные производят более продолжительное впечатление, чем только услышанные» [14, р. 7]. Учитель приводит наглядные изображения, объясняющие значения географии и космографии. А чтобы продемонстрировать суть хорографии, он изображает план города Норидж, «каким он был в 1558 г.» [ibid., р. 8]. Эта иллюстрация считается самым ранним в Англии печатным планом отдельного города [13].

Диалог У. Каннингема — доступное изложение на английском языке современных картографических техник. Он разъясняет, как с помощью метода триангуляции измерять расстояния между городами, как пользоваться компасом, учитывая склонение стрелки, сообщает о восьми ветрах, возникающих в результате земных испарений (*exhalation*), о четырех элементах, составляющих небесные сферы, и пр. В то же время его произведение несет в себе отпечаток эпохи. Помимо инструкции о том, как верно размечать долготу и широту, он учит верно определять, какие знаки зодиака и какие планеты влияют на определенные регионы и города. К примеру, Лондон расположен под знаком Близнецов и на него оказывает влияние Меркурий.

Постепенный рост числа проекций, а также текстов на английском языке, содержащих инструкции по составлению карт, делают их все более распространенным инструментом фиксации пространства. Как заметил П. Барбер, к середине века для многих молодых людей, особенно тех, чьи родители были близки ко двору, «создание и использование карт для анализа, планирования, а также демонстрации и распространения идей, имеющих пространственное измерение, стало почти инстинктивным» [6, р. 1608].

Во второй половине XVI в. популяризацией передовых математических и картографических идей, в частности работ Меркатора, занялся Джон Ди. Установив личные контакты с европейскими космографами, он способствовал усвоению в Англии континентальных картографических практик. Его цель — защита статуса математики как дисциплины, занимающей уникальное положение между естественным и сверхъестественным. Как отмечал Генри Биллингсли, переводчик «Начал» Евклида (1570) на английский язык, цель таких трудов была сугубо практической — преодолеть языковой барьер и дать новой английской элите доступ к знаниям, необходимым для служения государству [15].

О возможном назначении географической карты Дж. Ди в предисловии к «Началам» писал: «О том, какое великое удовольствие и сколь многочисленные блага приносит нам ежедневно и ежечасно это искусство, известно большинству людей. Ибо одни употребляют карты, чтобы украсить ими свои залы, гостиные, покои, галереи, кабинеты или библиотеки; другие — для изображения вещей минувших, как то: сражений, землетрясений, небесных знамений и подобных событий в историях упомянутых, чтобы тем как бы живо узреть само место, соседний регион, расстояние от нас и прочие подобные обстоятельства. Иные же — чтобы разом обозреть обширные владения Турка, необъятную империю Московитов и тот малый клочок земли, где исповедуют Христианство. Малый по сравнению с остальным миром. Некоторые используют карты для планирования путешествий в дальние земли или для понимания странствий других людей.

Таким образом, одни — для одной цели, а другие — для иной, одобряют, любят, приобретают и используют карты, чертежи и географические глобусы, подробный разговор о пользе которых потребовал бы отдельной книги» [15].

В работе «Новое притяжение» (1581 г.) мореплаватель Роберт Норман отстаивал ценность практического опыта. Он утверждал, что ученым стоило бы поучиться у ремесленников, которые, не зная греческого и латыни, успешно осваивают геометрию Евклида благодаря его переводу на английский язык, которого «достаточно для трудолюбивого механика, чтобы сделать его подготовленным в науках (*Sciences*), но в первую очередь для того, чтобы применить эти знания в искусстве (*Art*) и в профессии, к которой он принадлежит» [16].

Математики елизаветинской эпохи способствовали имперской экспансии, создавая навигационные инструменты и даже участвуя в экспедициях. Ярким примером служит Уильям Борн (1535–1582), автор практических руководств для мореплавателей. Его рукопись, разделенная на трактаты «Сокровище для путешественников» и «Искусство стрельбы из артиллерийских орудий» (1572–1573), включала большое число сведений прикладного характера. В «Сокровище...» Борн не только описал измерительные инструменты, но и привел подробный справочник, где точкой отсчета для координат и расстояний до мест в Европе, Африке, Азии и Америке выступал уже не Иерусалим, а Лондон, что отражало растущие амбиции Британской империи [17]. Вторая часть была посвящена геодезии и картографированию, включая описание метода триангуляции.

Другой математик, Томас Диггес (1546–1595), использовал тригонометрию в астрономии. Измерив положение сверхновой звезды, он пришел к выводу, что она находится далеко за лунной сферой. Не менее значима деятельность Томаса Хэрриота (1560–1621), выпускника Оксфорда, служившего сэру Уолтеру Рэли. Как отмечают исследователи, Хэрриот разработал метод определения широты, предложил использовать солнечную амплитуду для расчета магнитного склонения и усовершенствовал инструменты для астрономических наблюдений, внеся тем самым важный вклад в развитие навигации [18].

В трактате 1582 г. «Обнаружение различных ошибок» Эдварда Уорсопа приводится беседа между землемером и его собеседниками относительно его профессии. Как оказывается, существует множество разногласий среди землемеров, но их причина лежит в отсутствии надежного метода и умения использовать инструменты. Один из героев диалога интересуется значением слова *шкала*, которое часто встречается в книге Уорсопа. Выслушав детальные пояснения, подкрепленные изображениями измерительных линеек и циркулей, он, наконец, понимает их назначение: «Теперь я знаю, что такое “масштаб”. Я припоминаю, что видел подобные линии и циркули на картах, но до сих пор не понимал, что они означают» [19]. О роли использования шкал в картографии Уорсоп пишет: «Умение прикладывать циркуль к масштабной линейке весьма полезно, ибо оно позволяет, изучая карты, определить, как далеко расположен один регион, город или место от другого — как по суше, так и по морю. Кроме того, когда землемер представляет свой план, владелец поместья, не вставая с кресла у себя дома, может точно узнать, каков периметр его владений, а также периметр отдельных угодий и пустошей; и сколько perch¹⁰ или фарлонгов¹⁰ от одной изгороди или ее угла до любой другой» [19].

¹⁰ 1 perch — ок. 5.03 м, а 1 фарлонг = 220 ярдов (ок. 201 м).

К середине XVI в. среди землевладельцев и управляющих распространяется практика составления карт в тех случаях, когда они могли быть полезны. Несмотря на различия в стиле, точности исполнения и охвате территорий, эти карты, как пишет П. Харви, обладали общими чертами. Они представляли собой схематические рисунки или карты-изображения, не имеющие единого масштаба, а также создавались для решения конкретной сиюминутной задачи: «Похоже, ни одному землевладельцу не приходило в голову иметь карту своего поместья для общего пользования, карту, которую он мог бы хранить и применять в любое время для поиска нужного ему места» [20, р. 79].

Таким образом, в управлении землей сочетались два изначально независимых подхода: традиционные письменные описи, которые проводили профессиональные геодезисты, и новая, набирающая популярность практика создания ситуационных карт-планов. Перелом произошел в 1570–1580-х гг., когда эти две деятельности начали сливаться [ibid., р. 80]. Геодезисты стали дополнять или даже заменять письменные отчеты картографическими планами, положив начало процессу, в котором топография становится практически синонимом картографии.

Карты владений, получившие распространение в Англии с 1570-х гг., служили землевладельцам не только утилитарным инструментом управления, но и средством визуальной презентации их власти. В обществе раннего Нового времени, основанном на «лестнице господства и подчинения» [21, р. 99], связь с землей была ключом к идентичности. Андрю МакРей подчеркивает, что «новые геометрические методы измерения земли смели все моральные концепты, показывая землю как осозаемое личное владение, а не территорию совместных обязательств» [ibid., р. 100]. Это позволяло землевладельцам через орнаментированные карты с гербами и идиллическими сценами публично демонстрировать свой статус. Таким образом, картография стала мощным политическим языком, который проектировал идентичность владельца на карту его земель.

Но далеко не все землевладельцы осознавали потенциальную выгоду от картографирования своих угодий, а те, кто осознавал, не всегда были готовы нести издержки, связанные с производством карт. Письменные описи по-прежнему оставались востребованной практикой; более того, даже в конце XVI в. некоторые профессиональные геодезисты ограничивали свои услуги исключительно этим форматом. В этом контексте землемеры-картографы в своих трудах предстают энтузиастами-просветителями, которые стремились продемонстрировать преимущества карт поместий не только землевладельцам, но и своим же коллегам по цеху [20, р. 93].

Картограф Джон Норден в «Диалоге геодезистов» 1607 г. приводит показательную беседу Фермера и Землемера:

«Фермер: — Простите мою прямоту, но мы, простые сельские жители, не видим пользы в том, чтобы наши земли наносили на карты. Более того, мы считаем это совершенно бессмысленным занятием. Разве само поле — не прекрасная “карта” для взора господина, разве она не лучше листа бумаги с рисунком? Что ему даст вид его земель, раскрашенных разными цветами? Он не может прибавить к своим владениям ни пяди, ни убавить их. Так что, по-моему, эта работа — пустая трата сил, и от нее можно смело отказаться.

Землемер: — Когда кто-то выступает против какого-либо действия или предложения, он либо приводит разумные доводы, либо, не имея таковых, просто отвергает саму идею. Я понимаю, почему вам не нравится съемка ваших земель, и ваши

опасения не лишены оснований. Однако правильно составленный на основе точных данных план передает точный образ поместья и его частей. Он позволяет господину, не выходя из дома, разом увидеть, чем он владеет, где что расположено и кто каким участком пользуется. А не нравится это арендаторам по одной причине: такой план мешает им обманутым махинациям. Ведь арендатор, владеющий землей на разных правах (и как свободный держатель, и по копиголду, и по договору аренды), может легко присвоить себе чужое. Особенно если в его документах границы участков указаны нечетко — что случается сплошь и рядом по нерадению управляющих или из-за отсутствия точной съемки. Имея достаточно времени, такой арендатор может передвинуть межевые знаки, засыпать канавы, выкорчевать изгороди и скрыть следы своих действий под видом благоустройства. Пока это не будет обнаружено, всё может сойти с рук, и вскоре уже никто не сможет с уверенностью сказать: «Вот эта земля принадлежит господину». Но если вся земля нанесена на план и каждый клочок, будь то свободное держание, копиголд или аренда, четко разграничен, — подобный обман становится невозможен. Любая попытка присвоить землю будет сразу же раскрыта. Смею утверждать, что отсутствие таких планов уже стало причиной бесчисленных случаев захвата земель, потерю собственности и незаконных вторжений. Многие из этих нарушений делятся так долго, что теперь ни память, ни документы не могут их исправить. И это, не говоря о множестве других злоупотреблений, которые ежедневно творятся в ущерб землевладельцам, именно из-за отсутствия у них под рукой такого надежного руководства, как точный план» [22, р. 15–16].

Складывается ощущение, что карта-план выступает неоспоримым источником истинного знания о пространстве, превосходящим по своим возможностям любое текстовое описание. Действительно, в текстах геодезистов эвристические возможности карты-плана неоспоримы, но сомнению подвергаются инструменты и методы. Геодезист Ральф Агас (ок. 1540–1621) сообщает о «вопиющих и бесчисленных» ошибках в измерении и картографировании. Однако он заявляет, что составление планов необходимо и нельзя пренебрегать им из-за отдельных имеющихся злоупотреблений, поскольку сам метод «верен, совершенен и точен без малейшего недостатка или изъяна» [23]. Ошибки могут возникать из-за неточности измерения неровностей рельефа, однако использование теодолита, подробно описанного им, должно привести к совершенствованию планов. Перечисляя разнообразные преимущества карты-плана, Р. Агас сообщает: «И, наконец, тогда как бесчисленные земли и владения, а вместе с ними ренты, повинности, наследные пошлины и пр. пришли в упадок и были скрыты в различных барониях, замках, владениях и поместьях, как из-за превращения пашен в пастбища и пр., так и из-за уничтожения и выкорчевывания межевых знаков и границ, не говоря уже об изменении названий полей, дорог, прогонов и тропинок, да и об упразднении оных, несмотря на древние и прекрасные книги с описанием границ, обзор, зафиксированный на плане, не допускает таких неудобств, но будет служить постоянным доказательством и вечным сохранением всех земель и владений для собственников, которые в нем обозначены» [ibid.]. Идея достоверного отображения реальности на плане свидетельствует о том, что возможности механической фиксации осознаются задолго до появления фототехники, хотя всегда есть вероятность, что геодезисты превозносили план карты исключительно из коммерческих соображений.

Несмотря на возможности для проецирования пространства, полученные благодаря новейшим математическим методам и инструментам, для определения принадлежности территории геодезистам приходилось обращаться к письменным свидетельствам. П. Харви констатирует: «Землемер, возможно, и стал картографом, но он не перестал заниматься тем, чем занимался и раньше. Даже карта, которая полностью заменила письменную описание, по сути своей является письменной описью особого рода — ее заголовок и содержащаяся в ней информация унаследованы от традиционной описи поместья. Это — настоящая находка для историка картографии, ведь подобно тому, как в заголовке письменной описи обычно указывается дата и часто имя землемера, так и на карте поместья, как правило, есть и дата, и имя составителя — в отличие от ранних, безымянных и недатированных карт укреплений и побережий» [20, р. 93].

Как мы видим, к началу XVII в. картографирование стало значимым инструментом фиксации пространства, оказывающим влияние на самые разные социальные и культурные процессы. Путешественники демонстрировали с помощью карт образы далеких земель, а землевладельцы обозначали подвластные им земли. Однако роль карты не была настолько однозначной. Карта не являлась зеркалом, как ее представлял У. Каннингем, она служила репрезентацией, тесно зависящей от личных предпочтений и интенций заказчика. К тому же многим вполне хватало текстовых описаний. Питер Барбер писал: «Даже среди образованных слоев общества находились те, кто прекрасно обходился без карт. Неверно было бы считать, что к 1550 или даже к 1603 году практическая ценность карт была очевидна для всех. Во все времена, включая наши дни, есть люди, лишенные того визуального чутья, которое необходимо для чтения карт» [6, р. 1608].

Разумеется, помимо «визуального чутья» на восприятие и трансляцию картографических практик влияло множество социальных, экономических, политических и культурных факторов, а картография, в свою очередь, оказывала влияние на них, формируя и корректируя представление о месте Англии в мире и устройстве английских владений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Day J. Letter from John Day to the Lord Grand Admiral. Circa 1497 // Bristol and the Atlantic, 1480–1700 / ed. by Evan Jones. University of Bristol, 2009. URL: <https://www.bristol.ac.uk/Depts/History/Maritime/Sources/1497johnday.htm> (дата обращения: 11.11.2025).
2. More T. The Utopia of Sir Thomas More / ed. with Introduction, Notes, and Glossary by William Dallam Armes. New York: The Macmillan Company, 1912. URL: <https://archive.org/details/TheUtopia/page/n73/mode/2up> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Goodey B.R. Mapping “Utopia”: A Comment on the Geography of Sir Thomas More // Geographical Review. 1970. Vol. 60. No. 1. P. 15–30.
4. More T. Utopia / Translated into English by Ralph Robinson; His Second and Revised Edition, 1556 / ed. by Edward Arber. London: Constable and Co, 1895. 174 p.
5. Fuchs B., Palmer P.S. A Lettered Utopia: Printed Alphabets and the Material Republic of Letters // Renaissance Quarterly. 2020. No. 4 (73). P. 1235–1276.
6. Barber P. Mapmaking in England, ca. 1470–1650 // The History of Cartography. Vol. 3: Cartography in the European Renaissance, Part 2 / ed. by D. Woodward. Chicago and London: University of Chicago Press, 2007. P. 1589–1669.

7. A Select Collection of Old English Plays. Originally Published by Robert Dodsley in the Year 1744 / 4th ed. by W. Carew Hazlitt. London: Reeves and Turner, 1874. Vol. 1. 380 p.
8. Wallis H. England's Search for the Northern Passages in the Sixteenth and Early Seventeenth Centuries // Arctic (Unveiling the Arctic). Arctic Institute of North America. 1984. Vol. 37. No 4. P. 453–472.
9. The Itinerary of John Leland, in or about the years 1535–1543, Parts I to III / ed. by Lucy Toulmin Smith. 1906. URL: <https://ia600303.us.archive.org/31/items/itineraryofjohn01lela/itineraryofjohn-01lela.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).
10. Amir A. Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England: A Literary Approach to Mathematics: ScD Dissertation (History). Stanford University, 1995.
11. Elyot T. Boke Named the Governor. Bk. 1. Sect. 26. London. 1537. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A21287.0001.001/1:5.26?rgn=div2;view=fulltext#backDLPS165> (дата обращения: 11.11.2025).
12. Gerbino A., Johnston S. Compass & Rule: Architecture as Mathematical Practice in England // The Paper Revolution: The Origin of Large-Scale Technical Drawing under Henry VIII. New Haven and London: Yale University Press, 2009. P. 31–44.
13. Lille K.D. Mapping Sites: Lieux de Savoir in the Practice of Urban Cartography, 1340–1560 // Le foucaldien. 2021. No. 1 (7). P. 1–22.
14. Cunningham W. The Cosmographical Glasse, Conteinyng the Pleasant Principles of Cosmographie, geographie, hydrographie, or nauigation. Londini: in officinal Ioan. Daij, typographi, 1559. URL: <https://archive.org/details/cosmographicalgl00cuni/page/4/mode/thumb> (дата обращения: 09.11.2024).
15. Dee J. Mathematical Preface to Euclid's "Elements of Geometrie" // The Elements of Geometrie of the Most Auncient Philosopher Evclide of Megara / transl. Billingsley Henry, preface Dee John. imprinted by I. Daye, London, 1570. URL: <https://www.gutenberg.org/files/22062/22062-h/22062-h.htm> (дата обращения: 10.11.2025).
16. Norman R. To the Reader // The Newe Attractive... London, 1720. 197 p.
17. Bourne W. A Booke Called the Treasure for Trauelers, Deuided into Fiue Bookes or Partes, Contaynyng Very Necessary Matters, for All Sortes of Traualers, Eyther by Sea or By Lande. London: [Thomas Dawson] for Thomas Woodcocke, 1578. 284 p.
18. Pepper J.V. Harriot's Earlier Work on Mathematical Navigation: Theory and Practice. With an appendix // Thomas Harriot. Renaissance scientist / ed. by J.W. Shirley. Oxford, 1974. P. 54–90.
19. Worsop E. A Discouerie of Sundrie Errours and Faults Daily Committed by Lande-Meaters, Ignorant of Arithmetike and Geometrie. London: Printed by Henrie Middleton for Gregorie Seton, 1582. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A15724.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext> (дата обращения: 12.11.2025).
20. Harvey P.D.A. Maps in Tudor England. Chicago: The University of Chicago Press. 1993. 120 p.
21. Swann M. Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England. Philadelphia, 2001. 280 p.
22. Norden J. The Surveyors Dialogue Diuided into Fiue Bookes. London: Printed by Simon Stafford for Hugh Astley, 1607. 244 p.
23. Agas R. A Preparative to Platting of Landes and Tenements for Surueigh Shewing the Diuersitie of Sundrie Instruments Applied Thereunto. London: Printed by Thomas Scarlet, 1596. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/B11046.0001.001/?view=toc> (дата обращения: 10.11.2025).

REFERENCES

1. Day J. Letter from John Day to the Lord Grand Admiral. Circa 1497. In: *Bristol and the Atlantic, 1480–1700*, ed. by Evan Jones. University of Bristol, 2009. Available at: <https://www.bristol.ac.uk/Depts/History/Maritime/Sources/1497johnday.htm> (accessed: 11.11.2025).
2. More T. *The Utopia of Sir Thomas More*, ed. with Introduction, Notes, and Glossary by William Dallam Armes, New York, The Macmillan Company, 1912. Available at: <https://archive.org/details/TheUtopia/page/n73/mode/2up> (accessed: 10.11.2025).
3. Goodey B.R. Mapping “Utopia”: A Comment on the Geography of Sir Thomas More, *Geographical Review*, 1970, vol. 60, No. 1, pp. 15–30.
4. More T. *Utopia*, Translated into English by Ralph Robinson, His Second and Revised Edition, 1556, ed. by Edward Arber. London, Constable and Co, 1895. 174 p.
5. Fuchs B., and Palmer P.S. A Lettered Utopia: Printed Alphabets and the Material Republic of Letters, *Renaissance Quarterly*, 2020, No. 4 (73), pp. 1235–1276.
6. Barber P. Mapmaking in England, ca. 1470–1650. In: *The History of Cartography. Vol. 3: Cartography in the European Renaissance, Part 2*, ed. by D. Woodward. Chicago and London, University of Chicago Press, 2007, pp. 1589–1669.
7. A Select Collection of Old English Plays. Originally Published by Robert Dodsley in the Year 1744, Fourth ed. by W. Carew Hazlitt. London, Reeves and Turner, 1874, vol. 1, 380 p.
8. Wallis H. England’s Search for the Northern Passages in the Sixteenth and Early Seventeenth Centuries, *Arctic (Unveiling the Arctic)*, Arctic Institute of North America, 1984, vol. 37, No 4, pp. 453–472.
9. The Itinerary of John Leland, in or about the years 1535–1543, Parts I to III, ed. by Lucy Toulmin Smith, 1906. Available at: <https://ia600303.us.archive.org/31/items/itineraryofjohn01lela/itineraryofjohn01lela.pdf> (accessed: 12.11.2025).
10. Amir A. *Imperialist Rhetoric and Mathematical Practice in Early Modern England: A Literary Approach to Mathematics*: ScD Dissertation (History). Stanford University, 1995.
11. Elyot T. Boke Named the Goverour. Bk. 1, Sect. 26, London, 1537. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A21287.0001.001/1:5.26?rgn=div2;view=fulltext#backDLPS165> (accessed: 11.11.2025).
12. Gerbino A., Johnston S. Compass & Rule: Architecture as Mathematical Practice in England. In: *The Paper Revolution: The Origin of Large-Scale Technical Drawing under Henry VII*. New Haven and London, Yale University Press, 2009, pp. 31–44.
13. Lilley K.D. Mapping Sites: Lieux de Savoir in the Practice of Urban Cartography, 1340–1560, *Le foucaldien*, 2021, No. 1 (7), pp. 1–22.
14. Cuningham W. *The Cosmographical Glasse, Conteining the Pleasant Principles of Cosmographie, geographie, hydrographie, or nauigation*. Londini, in officinal Ioan. Daij, typographi, 1559. Available at: <https://archive.org/details/cosmographicalgl00cuni/page/4/mode/thumb> (accessed: 09.11.2024).
15. Dee J. Mathematical Preface to Euclid’s “Elements of Geometrie”. In: *The Elements of Geometrie of the Most Auncient Philosopher Evclide of Megara*, transl. Billingsley Henry, preface Dee John. imprinted by I. Daye. London, 1570. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/22062/22062-h/22062-h.htm> (accessed: 10.11.2025).
16. Norman R. To the Reader. In: *The Newe Attractive...* London, 1720, 197 p.

17. Bourne W. *A Booke Called the Treasure for Trauelers, Deuided into Fiuе Bookes or Partes, Contaynyng Very Necessary Matters, for All Sortes of Traualers, Eyther by Sea or By Lande.* London, [Thomas Dawson] for Thomas Woodcocke, 1578, 284 p.
18. Pepper J.V. Harriot's Earlier Work on Mathematical Navigation: Theory and Practice. With an appendix. In: *Thomas Harriot. Renaissance scientist*, ed. by J.W. Shirley. Oxford, 1974, pp. 54–90.
19. Worsop E. *A Discouerie of Sundrie Errors and Faults Daily Committed by Lande-Meaters, Ignorant of Arithmetike and Geometrie.* London, Printed by Henrie Middleton for Gregorie Seton, 1582. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/A15724.0001.001/1:5?rgn=div1;view=fulltext> (accessed: 12.11.2025).
20. Harvey P.D.A. *Maps in Tudor England.* Chicago. The University of Chicago Press, 1993, 120 p.
21. Swann M. *Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England.* Philadelphia, 2001, 280 p.
22. Norden J. *The Surueyors Dialogue Diuided into Fiuе Bookes.* London, Printed by Simon Stafford for Hugh Astley, 1607, 244 p.
23. Agas R. *A Preparative to Platting of Landes and Tenements for Surueigh Shewing the Diuersitie of Sundrie Instruments Applyed Thereunto.* London, Printed by Thomas Scarlet, 1596. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo2/B11046.0001.001/?view=toc> (accessed: 10.11.2025).

Шпак Георгий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российской академия наук; преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет, geo.shpak@gmail.com

Georgii V. Shpak, PhD in History, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Lecturer, Russian State University for the Humanities, geo.shpak@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.10.2025. Принята к публикации 12.11.2025

The paper was submitted 02.10.2025. Accepted for publication 12.11.2025